

СЛЕДЫ КНОРРИНГОВ, ВЕДУЩИЕ ИЗ ЕЛШАНКИ В КАЗАХСТАН

Нам не дано предугадать – как наше слово отзовется.

Ф. И. Тютчев

Слово поэтессы Ирины Кнорринг отозвалось эхом на малой родине поэта – в селе Елшанка Сергиевского района Самарской области. Будучи в изгнании, как она мечтала туда вернуться! Но умерла на чужбине.

А из Елшанки следы Кноррингов ведут в Казахстан.

В Алма-Ате, после возвращения из эмиграции в ноябре 1955 г., жил ее отец, историк, педагог и писатель Николай Николаевич Кнорринг (1880–1967), готовивший к публикации стихи и дневники своей дочери. Впервые на родине стихи Ирины Кнорринг были напечатаны в журнале «Простор» (№6) в 1962 г.

Читатели «Простора» знают и другие публикации о Кноррингах, сделанные поэтом и прозаиком, невесткой Ирины Кнорринг (вдовой Игоря Софиева) – Надеждой Михайловной Черновой.

С Казахстаном связала жизнь и смерть Бориса Николаевича Кнорринга (1875–1940), брата Н. Н. Кнорринга. Ветеринарный врач, дослужившийся до чина титулярного советника, он всю свою жизнь занимался лошадьми.

В 1909 г. Б. Н. Кнорринг был командирован в Туркестанский край. Согласно записной книжке Н. Н. Кнорринга, вот места службы его брата: село Гавриловское Копальского уезда Семиреченской области, Павлодар Семипалатинской губернии, казачья станица Верный (ныне Алматы), Катон-Карагай Бухтармынского уезда.

В разгар Первой мировой войны Приказом военного губернатора Семиреченской области (№ 428 от 25 июля 1916 г.) «командированный Министерством внутренних дел ветеринарный врач Кнорринг» с 15 августа назначен в укрепление Нарым в приемную комиссию по мобилизационной поставке лошадей для Русской императорской армии.

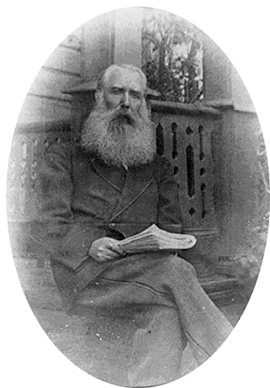
В 1933 г. Б. Н. Кнорринг был арестован и обвинен в том, что «сознательным бездействием в борьбе с сапом (инфекционная болезнь лошадей. – И. Н.) допустил его распространение в совхозах, что принесло значительные убытки (ст. 58, п. 7 УК РСФСР)». Известно, что в это время он был в отпуске (а в отпуск он ездил непременно в Елшанку). Свою первую трехлетнюю ссылку он отбывал в Казахстане, в лагере близ Алма-Аты. Вскоре после освобождения он был вновь арестован. Второй приговор: «десять лет без права переписки». Расстрел. Дата и место его гибели неизвестны. Реабилитирован в 1957 г.

Н. Н. Кнорринг так и не узнал о судьбе брата. Возвращаясь из Франции в СССР, он все еще надеялся повидать его (возможно, это одна из причин, почему он с готовностью поехал в столь далекие края).

В 2010 г. именно в «Просторе» (№10–12) впервые на русском языке были опубликованы воспоминания дочери Б. Н. Кнорринга – Нины Борисовны Шмидт, живущей в Дании.

Ирина Кнорринг мечтала вернуться в родную Елшанку, олицетворяющую для нее земной рай. И вернулась – стихами. Первыми они появились в альбоме директора Елшанской школы, учителя русского языка и литературы, поэта и прозаика – Сергея Владимировича Летуновского, автора «Гимна Елшанке» (музыка Юрия Клочкова).

Елшанка. Наверху: озеро Липовое, здание «школы Кнорринг» (в центре) и дома учителей.
Фото Г. Б. Мышецкой (Кнорринг). 1958.

Внизу: учителя, ученики и попечитель елшанской школы Н. Е. Кнорринг.
Фото Н. Н. Кнорринга. 1903

Какова же Елшанка сегодня? Столь же прекрасно и свежо ключевое озеро Липовое, увенчанное серебристыми тополями, липами и зарослями ольхи (отсюда Ольханка-Елшанка). Столь же щедро разливается по весне река Ток, несущая свои воды в Волгу-матушку. Столь же сильно замирает сердце от созерцания ковра из луговых цветов и уходящей за горизонт гряды холмов...

Сергей Владимирович собирает материал по истории села и Елшанской школы. Как учитель литературы, он не мог не заинтересоваться «неизвестным поэтом» – Ириной Кнорринг. В одном из его уникальных альбомов я и обнаружила стихи его односельчанки.

«Кнорриновка», «Школа Кнорринга», «Больница Кнорринга»... Такую добрую память оставил о роде Кнорринг дед поэтессы, отец Николая и Бориса Кноррингов, земский деятель, титулярный советник Николай Егорович Кнорринг (1844–1914),

активный участник создания земского уездного хозяйства после отмены крепостного права (школы, больницы, дорог и пр.).

В 1875 г. в Елшанке была основана одноклассная земская школа с трехгодичным курсом обучения.

В 1891 г. открыта двухклассная («министерская») школа с четырех- или пятилетним курсом обучения. В школе преподавали: закон Божий, церковно-славянский язык, чтение, письмо, арифметику, предметные беседы, историю, географию, мироведение, рисование и черчение, пение, гимнастику (рукоделие для девочек).

Попечителем школы (выполняющим роль координатора и спонсора) много лет был Николай Егорович Кнорринг (1844–1914), отец Н. Н. Кнорринга, дед Ирины Кнорринг. В 1906–1908 гг. в школе работала учительницей жена Н. Н. Кнорринга, мать Ирины – Мария Владимировна.

Окончание «министерской» школы давало право государственной службы. Ее выпускники поступали в педагогическое и медицинское училища в Самаре (чему всячески способствовал Н. Е. Кнорринг), чтобы вернуться в родные края учителем или фельдшером.

Здания школы и дома учителей были выстроены в Елшанке по соседству с усадьбой Н. Е. Кнорринга на улице Липовой, называемой в селе «Кнорриновкой».

Вернулся в Елшанку после окончания Ветеринарного института в Казани старший сын Н. Е. Кнорринга – Борис; много лет он работал ветеринаром на благо Самарского уезда, став верным помощником своего отца. Именно его семья жила в Елшанке до начала братоубийственной войны, и покинула ее в 1918 г.

От «Школы Кнорринга» берет начало Елшанская средняя школа, легендарному директору которой – Сергею Владимировичу Летуновскому – и посвящена данная статья. Елшанская школа, восходящая к «Школе Кнорринга», есть та «времен связующая нить», что помогает нам осознать принадлежность к русской культуре.

После революции в Елшанке была организована школа-семилетка. Помещения земской школы было явно недостаточно (там располагались физические и химический кабинеты и физкультурный зал). А школьные классы перенесли в опустевший дом Б. Н. Кнорринга. В его доме школа находилась вплоть до 1965 г.

Ныне сохранились три старинных дома на Кнорриновке: два дома учителей (на одном из них установлена мемориальная доска) и «дом прислуги» усадьбы Кноррингов.

Современное здание школы, недавно обретшей новую жизнь после капитального ремонта и оснащения новым оборудованием, было построено на месте земской школы.

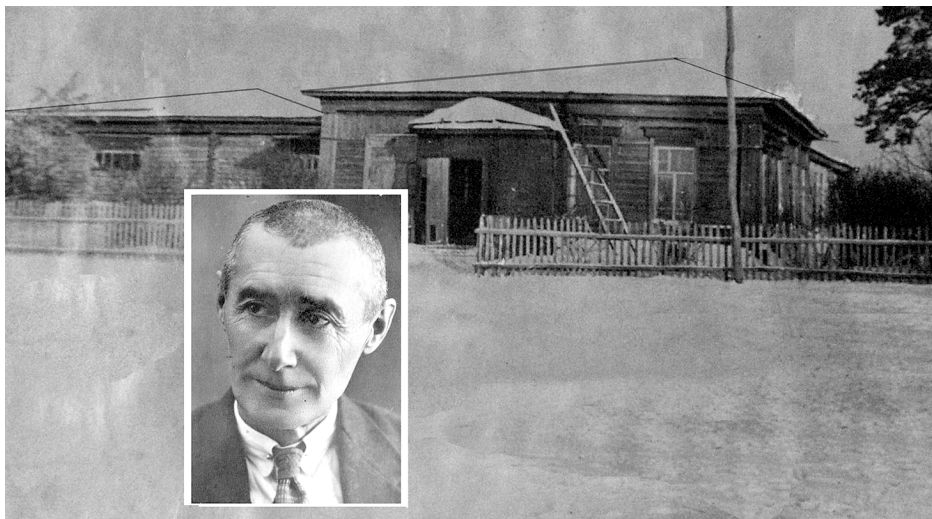
На Кнорриновке находится и «усадьба» Летуновских, сохранилась и старинная конюшня на заднем дворе «усадьбы», переделанная в гараж. Если дополнить созерцание старых бревен и уключин конюшни рассказами и легендами хозяев дома, то переносишься в дореволюционную Елшанку без помощи машины времени.

Сергей Владимирович – наш постоянный гид, проводящий экскурс по своим альбомам, заполненным вырезками из газет и журналов и фотографиями. Он стал также участником первого семинара «Кнорринги и современность: потенциал традиции», проведенного в Елшанской школе в 2012 г. Ему есть о чем поведать гостям села – ведь в Елшанке прошла вся его трудовая жизнь.

Каждый наш новый приезд в Елшанку не обходится без визита в семью Летуновских, по-русски гостеприимных и хлебосольных. Жена хозяина дома – Антонина Леонидовна – тоже учитель, много лет преподавала математику в Елшанской средней школе.

А меня, как библиографа Кноррингов, Летуновский всякий раз одаривает какой-либо маленькой «сенсацией», связанной с усадьбой Кноррингов и сведениями о членах семьи. О биографии Летуновского мы постепенно узнаем из его творчества.

Летуновский окончил историко-филологический факультет Куйбышевского педагогического института. «Мне посчастливилось учиться у таких замечательных учителей, как Николай Геннадиевич Хлебников, Михаил Федорович Фролов,

Борис Николаевич Кнорринг, 1930-е. На втором плане: усадебный дом Б. Н. Кнорринга, в котором вплоть до 1965 г. размещалась Елшанская средняя школа

Яков Егорович Егоров, Прокопий Яковлевич Слепцов, Михаил Федотович Побезимов. Многие из них – заслуженные учителя РСФСР», – вспоминает Сергей Владимирович.

По окончании института он более тридцати лет был директором Елшанской средней школы и преподавал русский язык и литературу, прививая ребятам не только любовь к стихам и прозе, но через них – любовь к родному краю.

В годы работы Летуновского в должности директора школы у ребят была практика на земле под руководством местного агронома; они учились любить землю как основу жизни, трудиться на ней и быть ей благодарными.

В центре Елшанки на улице Победы разбит мемориальный сквер, посвященный памяти воинов, жителей Елшанки, погибших в годы Великой Отечественной войны. Местные следопыты составили полный список погибших односельчан, он начертан на стене памяти. Военному детству посвящены и публикуемые рассказы Летуновского, написанные им уже в преклонном возрасте. Это еще раз свидетельствует о том, каким страшным эхом отразилась война в детских душах и врубцелась в них навечно.

С юности Летуновский писал стихи и рассказы. После выхода на заслуженный отдых он «отдыха» не знает: издал около 20 сборников стихов, прозы и басен (благодаря дочери Тамаре Сергеевне Сахаровой и поклонникам-спонсорам).

Сколько детей, ставших взрослыми, раслетевшись по свету, благодарят своих учителей жизни, супругов Летуновских – огромная стая... или армия. А мы, пусть и не были их учениками, но благодарны этой семье, символизирующей собой *душу Елшанки*, которую мы открыли благодаря Литературе, ее служительнице Ирине Кнорринг, а также журналу «Простор», предлагая ему невыдуманные рассказы Сергея Владимировича Летуновского.

Ирина Невзорова

У памятника погибшим воинам в Елшанке. В центре: С. В. Летуновский. Стоят (слева направо): директор Елшанской средней школы Г. Е. Маколина, Т. С. Сахарова (дочь С. В. Летуновского), А. Л. Летуновская, И. М. Невзорова, Адриан Сахаров (внук С. В. Летуновского). 9 мая 2012 г.

Сергей Летуновский

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Жили мы в селе Грачевка – большое село в Оренбургской области.

Мой отец, Владимир Петрович Летуновский, работал мотористом при Грачевской МТС (машинно-тракторная станция), а мама, Мария Максимовна, трудилась в колхозе. Я очень любил своих родителей. Мама, собрав узелок с едой, посылала меня в обед к отцу. С огромным удовольствием я бежал на МТС. Там мощно гудели огромные машины, стояли в ряд зиявшие стальными гусеницами трактора.

Внимательно и заворуженно следил я за тем, как отец приводил в действие огромный маховик, запуская широкий ремень генератора. Вся техника подчинялась рукам отца, вокруг загорались лампочки, сверкая и переливаясь, трещали

открытые моторы, пахло маслом и дымом. Часами мог я сидеть и смотреть, как отец ремонтирует технику, возвращая к жизни любую машину.

Вспоминаю, как мы с отцом ходили на рыбалку. Он мастерил разнообразные удочки, приделывая к ним огромные крючки и свинцовые грузила.

Когда началась война, мне было 10 лет. Каждый помнит, как для него началась война...

Рано утром, спустившись с Малашиной горы, пройдя по росистым лугам, мы попадали на берег речки Ток (правый приток Самары).

Над речкой зависали туманы, стоял аромат луговых цветов и запах речной воды. Изредка тихо плеснется где-то рыба, и вновь – тишина. Мы шли рядом, я брал сильную руку отца, держался и чувствовал себя защищенным и очень счастливым.

Вот Мартыничев сад, заброшенный, заросший высокими травами и колючими кустами, где мы с мальчишками собирали яблоки и вишню. У отца здесь было любимое место: самодельная «пристань» – мостки для рыбалки. Насадив на крючок жирного белого червя, закинув леску подальше, мы долго сидим и ждем.

Вот наконец отец подсек огромную рыбину, стало ясно, что нам просто так не одолеть ее. Тогда отец, пустив удочку по реке, сказал: «Иди по берегу и следи за удочкой, а я пойду за лодкой». Я бежал вдоль реки и наблюдал, как удочка то скрывалась, то всплывала. Наконец, удочка словно застыла – наверное, рыба устала. Тут подплыл на лодке отец и подцепил рыбу сачком. С необычайным волнением следил я, как отец извлек огромного, килограммов на десять, сазана. Для рыбака это большая удача! Радостные, мы пришли домой. Но в селе стояла какая-то странная тишина, никто не бегал, не смеялся, слышны стали глухие рыдания...

Это была наша последняя рыбалка с отцом – 22 июня 1941 года. Началась война с фашистами.

Помню, как провожали отца на фронт. Собрались родные, соседи, все плакали, больше всех рыдала мама. В горле у меня стоял ком. Не справившись с волнением, я ушел за перегородку, уткнулся в подушку и заплакал.

Отец подошел, наклонился ко мне и сказал: «Не плачь, сынок, победим фашистов, и я обязательно вернусь!»

Это были последние слова моего отца. Больше я его никогда не видел. В 1941 году из райвоенкомата пришло письмо, в котором сообщалось, что отец пропал без вести.

В конце войны вернулся с фронта его друг и сообщил, что под Ленинградом отец был ранен, его вместе с другими поместили в ригу (сарай). Фашисты безжалостно бомбили все вокруг, рига загорелась, и раненые сгорели заживо. Так оборвалась жизнь моего отца. Было ему 36 лет.

Моя мама осталась одна с тремя детьми, я – самый старший.

Наш дом был саманный (сложен из кирпича-сырца с добавлением соломы) и состоял из двух комнат – передней и задней. В передней комнате находилась голландка и две деревянные кровати, в задней – большая печь, с огромными чугунами, сковородками и другой кухонной утварью.

Современному человеку трудно представить, с какими чисто бытовыми проблемами сталкивались люди в тяжелые военные годы. Чего только ни придумывали, чтобы справиться с клопами и вшами. Наша мама, чтобы избавиться от клопов,

все щели в кроватях обливала кипятком. А когда в одежде заводились вши, мама развешивала ее в жаркой бане; насекомые гибли, слышался только треск. Наводили ужас огромные рыжие и черные тараканы, водившиеся в огромном количестве в задней комнате под печью.

Свет в ночное время шел от керосиновых ламп. О том, что такое семилинейные и десятилинейные лампы, можно узнать в музее. Десятилинейные лампы могли себе позволить только зажиточные люди. В лампы заливали не чистый керосин, а некую жидкость, в которую добавляли соль, чтобы она не воспламенялась.

Мы помогали маме, как могли. У нас в доме был заезжий двор. Из соседних колхозов направляли в командировку рабочих, которые жили по месяцу, допризывники во время войны устраивались на ночлег, учителя приезжали на совещания, кто-то посещал больницу. Словом, все находили приют.

Основным транспортом были лошади, которых помещали в сарай.

Колхоз выделял продукты, а мама готовила обеды. Я помню, как она ставила огромные кастрюли и чугуны в печку, чтобы приготовить горячую пищу. Спали все в одной комнате, стоял табачный дым, духота.

Все дети войны помнят, в каких условиях они учили уроки, при коптилках... Писали на газетных клочках, зачастую сажей. Мать следила за нашим образованием. Все ее дети получили высшее образование. Сестра Антонина стала врачом, брат Геннадий – военным, а я – учителем русского языка и литературы, и 31 год проработал директором Елшанской средней школы.

Наша мама окончила всего два класса, но обладала природной мудростью, была верующей и очень доброй. Никто от нее грубого слова не слышал. Маму любили родные, уважали односельчане, часто обращались к ней за помощью. Мать посвятила нам всю свою жизнь и всегда была с нами в самые трудные минуты жизни. После гибели отца мама все время болела, до самой смерти.

После того как отца взяли на фронт, вся ответственность за семью легла на плечи деда, Петра Никаноровича Летуновского, которому исполнилось в то время 70 лет.

Дед был крепкого телосложения, не пил, не курил, но любил нюхать табак. Трудился дед в колхозе, работал добросовестно и слыл среди сельчан веселым, спокойным и добрым человеком.

Однажды из областной газеты «Чкаловская коммуна» приехал корреспондент и стал искать старейшего колхозника. Ему указали на моего деда. Дед сидел у голландки, плел лапти и нюхал табак. Корреспондент спросил деда: «Как Вам жилось раньше, до революции, и как живетесь теперь?» «Раньше в ларях был хлеб, зерно, а сейчас нет ничего, вон у нас один шкаф остался», – ответил дед.

Действительно, в передней комнате стоял высокий шкаф, выкрашенный желтой краской, внутри он был оклеен газетами, на одной из которых выделялся заголовок «Сталинская конституция».

Примерно через неделю мы получили номер областной газеты «Чкаловская коммуна», где была помещена большая статья о моем дедушке. Корреспондент писал о том, что раньше, до революции, Петр Никанорович жил в глубокой бедности, а сейчас он не испытывает никакой нужды.

Дед был неграмотный, не умел ни читать, ни писать. Я показал деду и рассказал о написанном. Понюхав табак, помолчав немного, дед произнес: «Подлецы!»

В это время мой дедушка работал на МТФ (молочно-товарная ферма). На ферме разводили овец. Помещения были небольшие, поэтому при рождении часто овцы затаптывали ягнят. Их, мертвых, дед приносил домой и выделывал шкурки (курпяки). Из них шили каракулевые шапки, которые мы продавали, и на эти деньги жили.

В нашем дворе стояли три амбара, крытые глиной, перемешанной с соломой, рядом с домом – погреб с погребкой и много сараев. Дом с сениями был покрыт кровельным железом. Около дома находился огород, вокруг него – плетень. Плетень делали из дубовых колышков, расположенных на расстоянии 50–60 см, а между ними вплетались прутья (талы).

Большую часть огорода дед занимал табаком. Табак сажался, выращивался, собирался, высушивался, потом дед его обрабатывал на специальном приспособлении. Получалась махорка для курения и нюхательный табак. У деда был коровий рог, куда он насыпал табак и нюхал его с величайшим наслаждением, когда плел лапти.

Махорку, шерстяные носки и варежки мы отправляли в посылках на фронт. Кроме того, махорку и лапти мы продавали на базаре. Насыпав махорку в небольшие мешочки, взяв пару сплетенных дедом лаптей, я шел на базар торговать. Махорку разбирали быстро. А когда узнавали, что лапти плел дед Петруха, их тоже раскупали мгновенно.

Однажды продавал я лапти. И вижу: на земле лежит черный бумажник. Как же быть? Кругом ходят люди. Я взял бумажник, поднял над головой и крикнул «Кто потерял кошелек?» Никто не признался, и я побежал домой. В бумажнике оказалось 300 рублей. На них я купил чертежные инструменты (готовальню), которыми пользовался в школе. Этот бумажник храню до сих пор, как воспоминание о нечаянной радости.

Во время войны землю пахали на коровах. Дедушка сделал небольшую рыдванку (телегу с широкими и высокими перекладинами), ярмо, и мы на своей корове возили дрова, сено и многое другое. Потом на нескольких коровах (объединялись соседи) пахали землю и сеяли картошку. Сорт картошки назывался «смысловка». Она была белая с желтоватым оттенком. До сих пор помню вкус той картошки, рассыпчатой, горячей и пахнувшей дымком, потому что пекли мы ее в голландке, которую топили «божьим деревом». Это были кусты, напоминающие полынь, на которых в большом количестве ползали божьи коровки.

Леса у нас росли редкие, вокруг простирались степи, куда ни кинь взгляд, всюду низкорослые кустарники и разнотравье. «Божье дерево» давало яркий огонь и тепло, а угли от такого дерева долго сохранялись, были звонкие, как кленовые. В этих-то углях мы запекали «смысловку» и ели ее всю зиму по вечерам. Невероятный вкус той картошки я чувствую и сейчас.

Иногда дед брал меня с собой в лес. Лесничество привлекало колхозников к вырубке леса. За работу давали вырубить немного деревьев на дрова. Дед выбирал тонкие, в руку толщиной, липки; подрубал гладкие, без сучков, деревья; клал их на землю, делал надрез, наступал одной ногой, а затем тянул шкурку, которая с треском отставала от древесины. Если дед не осиливал, звал меня на помощь.

Вскоре на земле лежали белые, ровные, источающие аромат свежести стволы. Их называли лутошками. Самые гладкие шли на черенки для граблей, лопат и

вил. Далее дед шкурки скручивал в кольца и клал в мешок, и мы отправлялись домой.

А дома, в амбаре, он разрезал их на тонкие ленты, лыки, отчищал и плел лапти. Для этого было специальное приспособление – кочетыг. Дед плел лапти не только на продажу, но и для нас. Иногда он набивал на лапти колодки, особенно весной, когда было холодно. Но ребятишки умудрялись заходить в глубокие лужи и приходили домой с мокрыми ногами.

Во дворе находилось несколько амбаров из саманных кирпичей, для которых дед смастерил секретные запоры. Ночью он уходил на работу, мы оставались одни. В одну из ночей во двор забрались воры, вскрыли двери и унесли все запасы. После этого нам стало еще тяжелее. Выручала все та же «смысловка».

Хорошо помню, как делали кизяки – топливо для печки. Навоз никогда не выбрасывали, все шло в дело. Его складывали во дворе, он перегорал, затем из реки Ток возили воду, ею поливали кучу навоза, который разминали лошади, затем в специальном приспособлении формировались кирпичики, кизяки, и сушились на солнце. Ими топили печь и голландку. Во время войны лошадь достать было очень трудно, поэтому приходилось часто мять навоз ногами, – огромная, трудоемкая работа.

Вспоминается такой эпизод. Был у нас молодой бычок. Дедушка сделал салазки и обучил его возить сено, дрова и другие грузы. Попросил меня дед съездить в лес за дровами. У речки Ток рос замечательный лес. Я не захотел ходить по лесу и подбирать хворост, а решил срубить первые попавшиеся молодые дубки.

Нарубил целые салазки дров и собрался домой, как вдруг увидел лесника. Это был двухметрового роста мужик, грозного вида, не улыбочивый, угрюмый. Ходил он в длинной черной шубе, жил у нашей соседки, бабки Алексеевны. Бычок мой пустился рысью, вскоре мы скрылись от погони, я влетел во двор, спрятал дрова, и тут появился лесник. Он предупредил деда, чтобы я больше не ездил в лес, иначе нам грозит огромный штраф.

Бабушку Агафью, жену моего деда Петрухи, я помню плохо. Она болела стенокардией, все больше лежала и стонала, ей не хватало воздуха. Нрав у нее, однако, был крутой. Мама рассказывала, что свекровь часто подолгу с ней не разговаривала, ждала, чтобы у нее просили прощения, как это делали в старину: мама вставала на колени, делала поклоны и произносила слова о прощении. Дед был молчаливым, покладистым и очень трудолюбивым.

В годы войны и в глубоком тылу жилось тяжело. С каждого двора брали налоги: шерсть, яйца, молоко, овощи и многое другое. Все это отправляли на фронт. Однажды, когда мы уже почти все отдали, к нам опять пришли за налогом. Мама со вздохом произнесла: «Берите троих моих детей и шкаф, больше у нас ничего нет».

Как и все дети того времени, я трудился дома, по хозяйству, помогал деду. А также помогал нашему колхозу.

Дети пололи колхозные поля, огороды. Когда убирали рожь или пшеницу, мы ставили снопы и т. д. Работали с утра до позднего вечера, как взрослые. Много времени проводили на сенокосе: согребали, переворачивали сено, затем складывали его в стожки и перевозили.

А по весне иные односельчане (в основном, дети) от безысходности и голода собирали колоски и пекли из них хлеб (от него умирали, потому что он был несъедобный).

В каждом доме во время войны жили эвакуированные. У нас жила семья из Ленинграда, женщина с мальчиком-подростком. Они нам подарили обычные школьные тетради, – они считались тогда большой роскошью! Мы тоже помогали им, чем могли.

А у маминой сестры, тети Лены, жила женщина, которая после ужасов войны сошла с ума. Сняв верхнюю одежду, полуголая, она шла к реке, ловила лягушек, собирала их в мешок, чтобы съесть, а толпа ребятишек бегала за ней и с ужасом наблюдала за ее действиями.

Современные поколения знают о войне все меньше. Возможно, мои воспоминания заставят кого-то задуматься, вспомнить о своих детских годах. А для кого-то они станут открытием и помогут переосмыслить свою прежнюю жизнь. Война принесла людям беды и несчастья, лишила детей радостей детства, сделала их не по возрасту взрослыми. В каждой семье были горе и нужда. Нельзя допустить, чтобы людские трагедии, принесенные той страшной войной, были забыты, чтобы война вновь повторилась и народ испытал новые ужасы.

Вспоминаю те годы и вижу, будто в старом кино, мальчика Сережку... Так рождаются мои маленькие рассказы.

ГОРСТЬ МУКИ

Раннее летнее утро. Сережка проснулся от назойливого стука в дверь. Сквозь дрему он понял, что мать кого-то впустила домой. Он услышал неспешный говор мужских голосов, скрип сапог. В воздухе стал разноситься запах табака, крепкого мужского пота вперемешку с чем-то очень знакомым.

«Как будто вернулся с сенокоса отец», – подумал мальчик и обрадовался. Но вспомнил, что отец его погиб на фронте. Недавно пришла на него похоронка, где сообщалось, что он пропал без вести в боях под Ленинградом. Долго плакала мать, приходили родные, горевали, покачивая головами и прикладывая к покрасневшим от слез глазам платочки.

Бабушка Агафья не перенесла вести о гибели сына, тяжело заболела. Лекарств в те суровые годы не хватало, и она вскоре умерла.

«Вставай, сынок! – тихо проговорила мать, – пришли постояльцы, будешь помогать».

В их небольшой избе все время жили какие-то люди: веселые, громкоголосые молодые солдаты, важные, с кожаными портфелями, дядьки, грубые бородатые мужики.

Мать Сережи, молодая, небольшого роста, с гладко зачесанными черными волосами, с ровным пробором посередине и влажными блестящими глазами, с утра до ночи стояла у печи, готовила для постояльцев завтраки, обеды и ужины.

Сережа быстро оделся и, умывшись из рукомойника прохладной водой, побежал будить сестру Тоню и брата Генку.

Постояльцы, шумно переговариваясь, сели за стол, на котором лежал черный хлеб, мед, куски сахара, тающее сало с мясными прожилками и консервы.

Дети сидели отдельно от взрослых. Мать подала им картошку «в мундире» и лепешку, испеченную пополам с лебедой. Сережка, как самый старший, стал делить скромный завтрак на троих. Как хотелось ему отведать вкусного, ароматного хлеба, а затем погрызть сахар, который медленно будет таять во рту, и

запить все горячим чаем! Однако никто из постояльцев не догадался предложить детям часть своей трапезы. Вскоре гости ушли. Мать, перекрестившись на иконы, произнесла: «Слава Богу, день удачно начинается!»

Сереза в свои одиннадцать лет видел мать все время сосредоточенной на каком-то деле, работающей то у печи, то в огороде, то в сараях, где содержали домашний скот.

В углу закричал и закашлял дед Петруха. Он вставал позже всех. Сереза очень любил деда. Дед научил его плести лапти, удить рыбу, мастерить скворечники, делал ему игрушки из чурок и костей.

После завтрака Сереза отправился на базар продавать лапти. Долго стоял он, выкрикивая: «Кому лапти? Лапти крепкие, прочные, для сына и для дочки!» Торговля шла вяло. Мальчик пошел вдоль торговых рядов, отчаявшись продать лапоточки. Наконец ему удалось выменять лапти на горсть ржаной муки. Как хотелось ему отведать настоящего хлеба!

Серезка примчался домой, залил муку водой, добавил соли и замесил тесто. Получилась лепешка, почти такая же, как делала мать. Он испек ее на сковороде без масла, а потом, медленно смакуя, съел каждый кусочек, не оставив ни крошки!

Тут неожиданно в избу вошла мать. Серезка сильно испугался, понимая, что нельзя одному есть такое лакомство, и приготовился принять наказание. Но мать, жалобно посмотрев на сына, медленно опустилась на табуретку и тихо заплакала.

«Ничего, сынок, – сказала мать сквозь льющиеся слезы, – скоро кончится война, тогда будем есть настоящий хлеб, потерпи немножко!»

Не ругала, а погладила по голове, утешила.

РУБАШКА

Серезка, студент историко-филологического факультета в Куйбышеве, собирался на первое свидание...

Детство Сергея прошло в селе Грачевка Оренбургской области. Там остался родной дом, мать с дедом и брат с сестрой. Отец Сергея погиб в 1941 году под Ленинградом.

Серезка обожал литературу, знал наизусть много стихов, прозы; мнил себя великим эрудитом, обожал интеллектуальные споры с любимыми учителями. Мечтал стать учителем русского языка и литературы.

Когда все в доме ложились спать, Серезка уходил на кухню и в тишине деревенского дома, при свете керосиновой лампы, писал стихи. Как он гордился своими первыми стихами!

Белеет у дома березка.
Калина приветно цветет.
Красуется рядом шиповник.
И клен у ограды растет.

Или:

Вот в глубине воды зеркальной
Искрится стая окуньков.

И так неспешно проплывает
Близ новых липовых мостков.

Сережа представлял иную жизнь, счастливую, где не будет горя и слез. Часто он слышал, как плакала ночами мать, тоскуя по любимому мужу, которого вырвала злодейка-война, нарушив привычный уклад жизни, взвалив на плечи матери бремя забот.

Сережа – старший сын, первый помощник по хозяйству. После окончания школы, в 1951 году, он объявил матери, что уезжает поступать в институт. Мать долго молчала, темные живые глаза ее влажно блестели, потом она произнесла:

– Сынок, а как же мы? Кто мне будет помогать? Дед старый, немощный. Не по силам одной-то справляться. Может, позже поедешь, подрастут младшие, пока поработаешь в колхозе, тогда уж уедешь.

Сережа не знал, что делать. Посмотрел он на мать – сердце съежилось. После того как получили они похоронку на отца, мать сильно изменилась. Как будто ростом меньше стала. В глазах жила тревога, руки огрубели.

– Мама, – наконец произнес Сережа, – мне нужно выучиться. Кому нужен необразованный человек? Сейчас жизнь наступает другая, ты не будешь ни в чем нуждаться. Я тебе это обещаю.

Мать улыбнулась, обняла сына и ответила:

– Я понимаю все, сынок, поезжай учиться, только помочь я тебе ничем не смогу.

Он ехал в старом вагоне поезда в Куйбышев. В душе все пело, впереди – новая, интересная жизнь.

В Куйбышеве не было ни одного знакомого. Город ему очень понравился, особенно набережная, где находилось общежитие.

Сдав вступительные экзамены, Сережа с нетерпением ждал результатов. И вот он увидел свою фамилию в списках поступивших! Безумная радость охватила его, он прыгал, кричал от восторга и чувствовал, что все ему по силам.

Начались занятия. Сережа жил в общежитии на Пионерской улице. В открытое окно была видна Волга, медленно и важно плывущие пароходы, баржи, звучала музыка. Хотелось говорить стихами, и стихи писались легко, непринужденно.

Худощавый, стройный юноша с распахнутыми темно-кариими глазами, с открытой улыбкой, привлекал внимание своей живостью, непосредственностью и, как ему казалось, незаурядным умом. Девушки обращали на него внимание, хотели ему понравиться.

Но вскоре начались сложности, у Сережки заканчивались деньги, собранные матерью и родней с большим трудом. Да и одет он был неказисто: у него была пара рубашек, одни брюки, ботинки да фуфайка – вот и весь гардероб.

Он думал о первом свидании с понравившейся девушкой, но не знал, что же ему надеть. Одна рубашка была, как решето, пара заплаток ее не спасет. А другая при стирке разошлась по швам, потеряла первоначальный цвет. Что же делать?

А девушка ему очень понравилась. От отчаяния он попросил у друга на время рубашку, но тот был полным и высоким, в его рубашке Сережка выглядел смешно. И Сергей впал в отчаяние. О том, что ему есть нечего, он не думал. «Перебьюсь как-нибудь, – думал он, – но в чем же пойти на первое свидание?»

Наступило утро. Захлопали двери, студенты собирались на занятия. Вечером – свидание.

«Я пропал», – подумал Сережка. Не мог же он появиться перед девушкой в дырявой или заплатанной рубашке. На занятиях он немного забыл о своих проблемах, отвлекся. Придя в общежитие, решил отменить свидание, но тут его окликнула вахтерша:

– Летуновский, – прокричала она из окошечка, – тебе уведомление о посылке.

– Какая посылка? – спросил Сережка, – я ничего не жду.

– Не знаю, – проворчала старушка, – фамилия твоя!

Сережа взял уведомление, посмотрел на обратный адрес – Москва.

– Кто бы это мог быть? – подумал он. – У нас в Москве никого нет.

Он быстро помчался на почту, подумал, что кто-то ошибся, прислав посылку не по адресу. Взяв дрожащими руками посылку, он не поверил своим глазам: прислала ее двоюродная сестра Тоня Кирьякова, которая вышла замуж за военного.

Сережа вернулся в общежитие, открыл посылку и чуть не задохнулся от радости: там оказалась новая голубая рубашка с перламутровыми пуговицами, накрахмаленным воротничком, брюки и немного денег.

Сережке рубашка оказалась в самый раз, а брюки подчеркнули юношескую стройность фигуры.

– Вот это поступок! – обрадовался Сережка. – Спасибо тебе, Тоня, этого я никогда не забуду!

Сережка посмотрелся в зеркало и не узнал себя: перед ним стоял красивый молодой человек с горящими глазами и веселой улыбкой.

«Вот теперь можно идти на свидание», – промелькнуло в уме.

Он все любовался на себя, чуть не забыл, что его ждет прекрасная девушка. Рубашка будто изменила его самого, он чувствовал себя уверенным и счастливым!

...Сколько лет прошло, но Сергей все помнил это рукотворное «чудо» – помощь его двоюродной сестры, Антонины Андреевны Инюциной, и светлой благодарностью заливалось его сердце.